

А. СВЯТОГОР

«Доктрина отцов» и анархизм-биокосмизм

1. Для нас, как для поднявших знамя новой идеологии, история анархизма в революции интересна, прежде всего, со стороны его мысли. Мы коснемся основного русла этой мысли, которое хронологически складывается из двух периодов.

В первый период эта мысль встает пред нами, как безусловно верная «доктрине отцов». Этой доктрине она подчинена всецело и слепо. Как скованная традицией и некритическая, она едина, поэтому термин «единый анархизм» можно признать удачным для обозначения первого, некритического, периода.

Второй, критический, период складывается в силу неудачи немедленного скачка в анархию. Суровая революционная действительность (иной она не может быть) заставила приступить к пересмотру заветов отцов.

Оба периода обнаружили, с одной стороны, несостоятельность доктрины отцов, с другой — показали несостоятельность анархической мысли, как таковой. — В результате получился тупик, выход из которого, по нашему мнению, дан только в биокосмизме.

2. Анархическую мысль мы берем, как таковую, не касаясь причин (по преимуществу национально-исторических), в силу которых сложились ее основные черты. Мы, в данном случае, стоим вне задач причинного выяснения ее характера и тем самым вне оправдания ее с точки зрения беспристрастного историка. Для нас очевидно, что в революции она оказалась несостоятельной, и потому, с этой точки зрения, она не может быть оправдана.

Основной характерной чертой этой мысли мы считаем ее слабость, незрелость. Все признаки младенческой мысли в ней налицо. <...>

Мысль незрелая и слабая легко подчиняется авторитету. Чем слабее она, тем больше это подчинение, тем уже поле сознания, тем ниже самостоятельность. Анархическая мысль слишком подчинилась авторитету. Доктрину отцов она возвела в *vox dei*¹, и стала рабой традиции. Правда, внешне она активна, но эта активность — активность того, в ком индивидуальность подавлена догмой, кто слепо доверился авторитету буквы.

Как слабая и подчиненная авторитету, она несамостоятельна, неоригинальна, однообразна, что особенно наглядно сказывается в ее внешней форме. Она в громкой и трескучей мантии междометий и фраз. <...>

Такова, в основных чертах, анархическая мысль первого периода. В дальнейшем, под ударами разочарований, в ней заговорил критический элемент. Но от своего основного порока — веры в непогрешимость скрижалей прошлого — так и не смогла освободиться. Под прессом традиции она стала малокровной, «доктрина» охолостила ее, лишила необходимых жизненных соков, чтобы самостоятельно выйти на новую вольную дорогу.

3. В «едином анархизме» следует различать два цикла: московский и украинский. Оба, при поверхностном взгляде на них, представляют собою как бы два различных по типу анархизма, но, по существу, особенно со стороны мысли, они настолько внутренне связаны, что каждый из них, отдельно взятый, будет недостаточно понятен, представляя собою только часть одного органического целого.

Московский цикл — это время агитации и пропаганды, время анархической фразы, получившей, в силу октябрьских дней, широкую возможность развернуться с трибуны и на газетных столбцах. Это время словесной критики Советской власти. Правда, тогда же, наряду с пропагандой и критикой путем слова, шла критика и пропаганда действием. Но действие, все же, не составляет центра тяжести этой поры, оно было как бы неотъемлемой тенью фразеологии.

Ликвидация московских организаций единого анархизма далеко не является ликвидацией единого анархизма, как идеи и действия. Потерпев неудачу на московской почве, единый анархизм перекинулся на Украину, где пришедший в движение

мелкобуржуазный чернозем оказался весьма благоприятным для эксперимента анархии. Что в Великороссии было, по преимуществу, фразой, то здесь становится действием. Но движущая идея остается той же. Она в утопической цели — во чтобы то ни стало немедленно осуществить «царство свободы».

4. Московский единый анархизм сразу и целиком обнаружил все характерные признаки анархической мысли: ее внутреннюю слабость и безусловное подчинение доктрине. <...> Она пришла с готовыми принципами и мерой, сколоченными в прошлое время и в прошлой обстановке, пришла с твердым намерением действовать согласно указке прошлого. Вот почему для самостоятельной критики вовсе не оставалось места. Что же касается критики Советской власти, то это была критика доктринеров, простой пересказ подходящих страниц Бакунина и Кропоткина, а не самостоятельная оценка.

Отцы утверждали: когда придет революция, все сложится просто и легко в силу присущей человеку солидарности (Кропоткин) или справедливости (Прудон) или путем уяснения всеобщей выгоды (Фурье). Нужно все предоставить самому себе, и анархия, как могущественная и добрая богиня, выйдет из бури революции и утвердится на земле. Так, по методу Манилова², думали отцы; так думала и покорная им раба. Она не уяснила, что реальная действительность требовала иных методов размышления и действия. Она не сумела понять очевидной истины, что всякая попытка изменения существующего строя необходимо ведет к реакции со стороны заинтересованных в сохранении его, и что поэтому разговоры о присущей человечеству солидарности, о всеобщей любви, — во время решительной борьбы двух миров — ничто иное, как вреднейшая иллюзия. Как слабая и как скованная традицией, она не смогла проявить самостоятельности в смысле оценки действительности и приложимости к ней учений прошлого.

Отцы были против диктатуры, значит, диктатура не нужна, вредна. Отцы отвергали всякую власть. Значит между революционной властью и всякой прочей властью должен стоять знак равенства. Базируясь на букве, анархисты обрушились на все мероприятия Советской власти. Они были против революционной дисциплины труда, против организации деревенской бедноты, против организации армии, чем засвидетельствовали полное непонимание задач революции.

И вот что характерно. Среди анархистов тогда не нашлось ни одного, кто бы самостоятельно вдумался в новую действительность, в приложимость к ней старой доктрины. Пресс доктрины настолько придавил индивидуальность, что от последней ни осталось ничего, кроме голоса, поющего в общем тоне. Вот почему в едином анархизме мы вовсе не встречаем оригинальных, самостоятельных людей. Пред нами проходит стадо, где, в лучшем случае, можно отметить только мелкие личности, почти неотличимые от общей массы.

5. С единым анархизмом мириться, особенно, когда он вольно и невольно служил прикрытием бандитскому и белогвардейскому элементу, и терпеливо сносить его в революционной обстановке было нельзя. Но, потерпев неудачу в Великороссии, он перекинулся на Украину, чтобы там на деле довести себя до абсурда и тем исчерпать себя, как идею и действие.

Единый анархизм на Украине, это решительная попытка осуществить на деле доктрину отцов, создать анархический порядок вещей. Буржуазность социального пласта (крупное крестьянство), долженствовавшего взрастить анархию, не может вызывать сомнений. И в этом отношении реализаторы анархии нисколько не изменили теоретикам. Не только Бакунин, но также Прудон и Реклю выказывали особенную любовь к отживающим формам русского общинного хозяйства. Реакционность этой любви несомненна.

Интереснее и важнее всего, что опыт анархии привел к тому, что удачно и не без сарказма определено, как «безвластное властничество». Опыт анархии привел к власти, что уже вышло из всех пророчеств доктрины, что противоречило доктрине весьма решительно, что означало упразднение доктрины в силу ее практической несостоятельности, что обнажило весь ее утопизм. Корабль, сколоченный Бакуниным, Кропоткиным и другими, руководимый русской анархической церковью, вдребезги разбился на опыте анархии в царстве Махно. И разбился не в силу внешних препятствий, но в силу своей природы.

Корабль разбился, колокол старого анархизма потонул. По этому поводу на страницах анархической прессы прозвучал, как панихида, одинокий голос анархиста (неонигилиста): «мое глубокое убеждение, что укрепляет меня в мысли, что анархическая идеология треснула по всем швам, и никакие заплаточки, штопальщики не смогут связать разорванное, и это бесполезно».

6. Неизбежность критического периода очевидна. Слишком крупны были неудачи, чтобы даже скованная авторитетом мысль не могла не задуматься. Предпосылкой к этому периоду является неудача единого анархизма на московской почве. Когда последний разворачивался на Украине, в Москве уже началась критика. Между прочим, эта одновременность неблагоприятно сказывалась на критике. Мысль, решительно ступившая на путь ревизии, не могла не присматриваться к тому, что делалось на Украине. Вот почему, когда опыт в Махновии стал клониться к закату, среди критикующих послышались более решительные голоса.

Если первый период характеризует анархическую мысль, главным образом, со стороны ее упорного доктринерства, подчинения авторитету, фанатического действия по инерции, то второй период обнаруживает ее внутреннюю слабость, бессилие. Насколько в первый период она решительна в действии, настолько во второй период в своей критике она нерешительна, выказывает робость, трусость, творческое бессилие. <...>

7. Критические попытки, по их точке отправления, можно разделить на две группы. К первой относятся те, которые исходят из мысли, что старая идеология остается в силе, и потому все критическое дело должно сводиться к пересмотру тактики. Вторую группу составляют отдельные высказывания, исходящие из мысли о необходимости основательного пересмотра не только тактики, но всей старой идеологии. Обе группы оказались несостоятельны. Если первая обнаружила несостоятельность своей критической предпосылки, то вторая — негодность своих выводов.

8. Синдикалисты первые решили, отказавшись от громкой фразы единого анархизма, перейти к положительной работе в строительстве нового общества, ступить на путь массового рабочего движения. Но при этом они полагали оставаться верными «заветам своих учителей М. Бакунина и П. Кропоткина».

В результате получилось противоречие. Положительная работа в создании нового общества требовала признания основной предпосылки, которая могла обеспечить это строительство, т. е. признание диктатуры. Но заветы отцов гласили, что диктатура ни в коем случае не допустима.

Противоречие могло быть разрешено в том смысле, что учителя в свое время вряд ли могли провидеть объективно необходимые пути строительства нового общества. Но синдикалисты это

противоречие разрешили в смысле верности заветам учителей. К тому же Украина питала их веру в эти заветы.

В результате благое намерение логически и практически должно было ступать перед буквой отцов, сойти на нет. Предприятие оказалось негодным, потому что мысль в своей критической попытке сразу же повернулась задом к поставленному вопросу.

9. Универсалисты пошли несколько дальше. Они поняли, что «иной должен быть подход к советскому государству», и в связи с этим ставили вопрос: «каково место анархизма в социалистическом государстве, каков его метод в нем?» Они признали, что старый анархизм не нащупал, не выяснил «метода анархического действия, анархической практики в социалистическом строе», почему анархизм в текущей революции оказался безоружным, с голыми общими лозунгами. Вопрос очевидно в том, чтобы найти новый «метод». Последний «не может быть копией старого метода, потому что иная среда, иные условия, иной строй». Его нужно искать самостоятельно, «не надеясь на зарубежных товарищей», и не ища разрешения вопроса в «прежней литературе».

Вопросы эти были формулированы довольно ясно, но недостаточно определенно к тому, чтобы на них могли быть получены удовлетворительные ответы. <...>

Доктрина победила — и попытка оказалась несостоятельной. Ни нового «метода», ни определенного отношения к советской власти, ни места в строительстве новой жизни универсалисты не нашли. Метод оказался младенчески неопределенным, отношение к власти колеблющимся. И напрасно мы, биокосмисты, как меньшинство в организации универсалистов, утверждали, что только новая идеология может дать определенные и точные ответы на вопросы, поставленные жизнью. Мысль инертная, зачарованная традицией, к нашим утверждениям могла относиться только враждебно.

10. Из критических попыток второго рода первая принадлежит уже отмеченному неонигилисту, вторая — анархисту Дарани.

Неонигилист, взвешивая теорию и практику анархизма в революции, приходит к таким выводам: анархизм-коммунизм «закрывает перед практикой жизни глаза и не сознает ее разумом», синдикализм «покатился по наклонной плоскости... и проживает последние анархические ресурсы», индивидуализм же утопичен. «Единый анархизм», как синтез этих на-

правлений, оставил от «анархизма пустоту», превратившись в царстве Махно в «безвластное властничество». В результате у неонигилиста «глубокое убеждение», «что анархическая идеология треснула по всем швам». Эти признания старого анархиста весьма знаменательны.

Такой итог является уже достаточной предпосылкой чтобы, отринув отцов, на изначальной основе всех анархических теорий — личности, построить новую идеологию. Но и тут анархическая мысль осталась верна себе. Установив, что «никакие заплаточки и штопальщики не смогут связать разорванное и это бесполезно», неонигилист тотчас же скатывается в вульгарно понятого Штирнера, подогревая его приставкой «нео». Уже в этой приставке сказалось творческое бессилие мысли, способной только на громкую фразу.

11. Попытка Дарани более серьезна. Для него несомненно, что «настоящий момент вскрыл до очевидности все дефекты старого анархизма», что «все области анархизма подлежат ревизии: и теория, и практика, и организационные вопросы». <...>

Дарани не ограничивается одним подчеркиванием дефектов. Усматривая последние прежде всего в теории, он в этом отношении намечает выход. Прежде всего необходимо подвести под анархизм философский базис. Правда, старый анархизм не чужд философии, но он все еще живет наследием рационализма 18 века. Это наследие необходимо изжить, заменив его, по мнению Дарани, современной интуитивной философией.

Дарани прав, конечно, что в наше время неосновательно жить философским наследием 18 в. Но видеть выход в интуитивизме, не значит ли идти в ту сферу современных духовных исканий Запада, которые являются показателем крушения основ старого порядка, потрясенного духом революции. <...>

В поиске Дарани опять сказались творческая импотенция анархической мысли. Этот поиск на себе носит все черты отживающего поколения интеллигенции, порядком зараженного интуитивно-мистической вермишелью*.

* Самая решительная попытка — попытка универсалистов-интериндивидуалистов (Гордин). Они признали, что «переходное время не мыслимо без диктатуры». Отсюда — положительное отношение к советам и радикальный пересмотр вопросов тактики и организации. Что же касается идеологии интериндивидуализма, то она во многих отношениях неудовлетворительна. Вопрос об интериндивидуализме мы оставляем до особого очерка.

12. Спор анархической мысли с революцией был спором утопизма с реализмом. Естественно, что утопизм оказался несостоятельным. Революция ударила носителей доктрины отцов прежде всего по тактике. <...>

Революция обозначила не только банкротство современной анархической мысли. Она обозначила конец исторического анархизма, потому что новый дух уже не может удовлетвориться старыми концепциями узкими и отсталыми. Этим самым революция обозначила необходимость нового анархизма (теории и практики). Но разрешить кризис, создать новую концепцию и тем указать выход из тупика, может лишь тот, кто не зависит от традиции, кто свободен от авторитета, кто самостоятелен, революционно смел в своем творчестве и оценках.

Биокосмизм мы выдвигаем, как решительную, смелую и здоровую мысль в противовес трусливой и слабой современной анархической мысли и как новую концепцию в противовес доктринам прошлого. Мы, конечно, не питаем особой надежды, что слабая, хотя и усомнившаяся в отцах, мысль придет к нам, примет биокосмизм. Она для этого слишком робка и мелочно самолюбива. Но мы имеем основания надеяться, что свежие, здоровые, бодрые анархические силы, прошедшие опыт революции, придут и уже идут к биокосмизму.

13. В огне революции построения старого анархизма испытания не выдержали. Но этот огонь не мог и никакой другой никогда не сможет испепелить основной стержень жизни — живую человеческую личность. Если воздвигнутые на этом базисе идеологические постройки, подвергаясь пожару, гибнут, то базис для новых построек всегда останется. В то же время на месте погибших зданий воздвигаются здания более вместительные, грандиозные, отвечающие требованиям времени, а главное, требованиям личности (и общества).

14. Новые постройки требуют расширения базиса. Понятие личности во всех старых анархических концепциях слишком узко. Сужение принципа личности — коренная ошибка анархических доктрин, в силу чего они с первых дней своего бытия были внутренне несостоятельны, и нужно было время, чтобы обнаружилась их иллюзорность.

В старом анархизме проблема личности не была должным образом поставлена. Любая концепция базируется на слишком однобоком, поверхностном понятии личности. Вместо живой

личности бралось или социально-политическое лицо, или эгоист (Штирнер), или альтруист (Годвин). А то, якобы научно, устанавливалась малость человека (Кропоткин). Или бралась личность, как бунтарь, разрушитель и тем умалялось ее положительное — творчество, созидание. Словом, бралась не личность, но однобокая абстракция от личности.

Личность бралась в ее статике, в узко очерченном круге от рождения ее до смерти, но не в ее динамике, не в росте ее творческих сил. По отношению к личности всеми анархическими доктринами смерть утверждалась абсолютно. (Странно, что анархическая мысль, протестуя против авторитетов, не восстала против авторитета «натуральной смерти»). Личность бралась вне ее глубочайшей жажды бессмертия, и, следов., вне подлинного творчества.

Старый анархизм имел, в сущности, не положительное, но отрицательное представление о личности. Ему казалось, что он утверждает личность, в сущности же он отрицал ее, выказывал дурное представление о ней, затушевывая живого человека, оставляя его в тени, подменяя абстракцией. Умалая человека и в то же время слишком предоставляя его личной судьбе, анархизм вел его к индивидуальной и социальной катастрофе.

Такова коренная ошибка всех анархических концепций, ошибка в основе. Корень был слишком тощ, и потому сами концепции тощи, однобоки, абстрактны, безжизненны, утопичны.

15. Мы утверждаем не голое индивидуальное сознание, не социально-политическое лицо, не эгоиста или альтруиста, не маску или абстракцию, но живую человеческую личность. Ее нельзя исчерпать целиком эгоизмом или альтруизмом. Ее не уложить в любую отвлеченную рамку. В основе ее лежит инстинкт бессмертия, жажда вечной жизни и творчества. Она растет в своих творческих силах до утверждения себя в бессмертии и в космосе. Новая концепция должна быть обнаружением, утверждением не абстракции, но живого реального человека.

Человек — это не маленькое существо со смешными претензиями на всеохватывающую беспредельность, как, в свое время, базируясь на коперниковском перевороте в астрономии, quasi научно думал Кропоткин (также думал славянофил Данилевский, а ныне — нашумевший Шпенглер). Пред человеком (человечеством) открываются грандиозные перспективы, каких еще никогда не было. Борьба со смертью уже не является прин-

ципиально невозможной (опыты Штейнаха, Андреева, Кравкова и др.). Возможность индивидуального бессмертия (иммортализм) уже можно обосновать научно, а завоевания физики и техники дают основания к научной постановке космической проблемы (интерпланетаризм).

16. Высшее благо — это бессмертная жизнь в космосе. Высшее зло — смерть. Мы имеем в виду реальную жизнь и реальную смерть. Все другие блага заключаются в жизни, всякое зло коренится в смерти. Выдвигая свободу от «естественной необходимости», право человека на вечное бытие в космосе, биокосмизм является проблемой максимальной свободы и максимального права личности.

Высшее благо мы выдвигаем, как то, что необходимо реализовать, — как максимальное творчество. Мы особенно подчеркиваем творческий момент в биокосмизме. Личное бессмертие не дано, оно должно быть завоевано, реализовано, сотворено. Это не восстановление утраченного, как говорит библия, но создание еще небывшего. Не восстановление, но творчество. То же относится и к завоеванию космоса. Иммортализм и интерпланетаризм — это максимальная, но не конечная цель. Это этапы и средства к безмерно великому творчеству. Но эта цель впереди — и потому она величайшая.

Наша цель (реализация личного бессмертия, жизнь в космосе, воскрешение) исключает мистику, которая бросает в хаос, в пустоту. Это — задача трезво реалистического сознания. Но мы ничуть не отождествляем цели с бытием, не базируемся целиком на данности, — иначе нам пришлось бы отказаться от свободы, от творчества, от личного.

Биокосмизм устраняет скептицизм, развязывает человеческое творчество, сообщая ему невероятную силу, могучий размах. Это маяк, к которому направляется человечество, это фундамент и руководящая нить личных и общественных дел. Это — масштаб человеческих действий. Биокосмизм и только он может определить и регулировать совершенную общественность.

17. Старое общество рухнет. Оно переживает «бабье лето», отходит в сумерки, его ждет ужас ночи. Наша задача — создание новой жизни, нового бытия, новой культуры на основе великих целей биокосмизма.

Современное (буржуазное) общество ведет к смерти, базируется на ней. На том основании, что сегодня личность смертна,

оно утверждает смерть личности абсолютно. Оно глубоко развращено формулой: «смерть неизбежна». Эту формулу санкционирует религия и старое научное сознание. Эта формула погасила в человеке дух возмущения против смерти. Утверждая смерть и локализм в пространстве, современное общество тем самым санкционирует все зло социальной жизни. Если так будет продолжаться дальше, то человечеству грозит полное моральное и физическое вырождение. Такое общество должно быть разрушено до основания.

Общество должно быть построено на принципах биокосмизма. Утверждая основное право каждого на вечную жизнь, такое общество не может допустить деления на эксплуататоров и эксплуатируемых, на рабов и господ. Оно гарантирует максимум индивидуального развития и самоутверждения. Оно будет в высшей степени гармоничным, что вытекает из единства идеала составляющих его единиц. Когда идеи биокосмизма станут достоянием каждого (противное невозможно), оно станет безвластным, ибо тогда основная идея общества каждым будет осуществляться свободно. <...>

18. В новом обществе люди объединяются не принуждением, но сознанием общности великих задач. Общество, осуществляющее интерпланетаризм, реализующее личное бессмертие, воскрешающее мертвых, — такое общество утверждается каждым, как осуществляющее высшее благо каждого. Общая максимальная цель исключает индивидуальную измену ей ради другой цели, всегда меньшей. Поэтому верность ей незначем обуславливать договором (Прудон и др.). — Здесь личная воля и дело имеют как бы бесконечное повторение в соратниках, в то же время каждый шаг к биокосмизму увеличивает индивидуальную мощь. <...>

19. Новое общество это не маленькие общины или союзы, которые «не чувствуют потребности в увеличении своего размера» (Годвин, и др.). Старый предрассудок и заблуждение о маленьких пространствах необходимо отбросить, как изживающий себя атавизм, как наследие средневековья. Прежде всего максимум пространства (иначе мещанство). Лишь на огромных пространствах всеединство людей может осуществлять великие действия Биокосмическое о-во всеземно, интерпланетарно.

20. Биокосмическое общество максимально свободно. Поставленная проблема требует от человека страшной свободы. Человек (человечество) никогда так не предоставлялся самому

себе, как в биокосмизме. У него нет надежды на бога, на загробную жизнь. Он стоит лицом к смерти, как обычной реальности, и это зло он должен победить без помощи извне (свыше), сам, вполне реальным, своим путем.

21. В биокосмизме люди объединяются, как соратники, ибо соратничество наиболее творческое взаимоотношение. Соратничество противоположно братству, как нетворческому взаимоотношению. В братстве отношения даются наперед, предreshены природно, потому здесь нет творчества. В соратничестве ничто не дано, но достигается, создается. Братство — консервативный, нетворческий, изживаемый принцип. В нашем боевом напоре в бессмертие и космос мы утверждаем не братство, но соратничество.

22. На пути к биокосмизму мы опираемся на революцию, на действие и пафос революционного класса. Биокосмизм родился в бурном взрыве революции, мы неотделимы от революции, и в ней наша опора. Биокосмический порядок вещей явится в результате победы революции. Целью революции является уничтожение классов, что составляет необходимую предпосылку для постановки проблем биокосмизма во всеземной полноте. Но биокосмизм, как максимальная программа, уже теперь необходимо может способствовать единению, воодушевлению, победе революционного класса.

23. Считая, что на пути к биокосмизму будет изжито государство, мы в то же время подчеркиваем необходимость положительного отношения к советской системе. Советское государство нельзя смешивать с государством буржуазным. С одной стороны, советы — необходимая организация революционной борьбы против старого мира. С другой — они являются носителями функции борьбы с природой, т. е. содержат в себе тенденцию к биокосмизму.

В переходное время советы, конечно, не могут целиком стать органами борьбы с натуральным гнетом. Они должны выполнять функцию борьбы со старым миром, в форме диктатуры (в переходное время диктатура необходима и целесообразна). Отсюда неизбежно некоторое принуждение, но это принуждение совсем иного порядка, его нельзя расценивать, как принуждение в буржуазном государстве. Все возражения против государства, как системы насилия, подавления индивидуальной свободы и т. д., по отношению к советскому государству не имеют смысла.

Старая форма государства отходит в прошлое. Новая советская форма является иной по своим целям, путям. Советская система, в принципе гарантируя освобождение человека от ига внешней природы, уже теперь способствует росту личной сознательности, освобождая личность от ига традиции. Возрастает сознание личной свободы и ответственности, как результат советизации, связи. В советах люди связываются в силу сознания важности совершающейся борьбы, которая требует выдержки и дисциплины. В советах человек учится уважать другого и самого себя, а буржуазное общество, как общество господ и рабов, исключает должное взаимное уважение.

Мы полагаем, что поскольку функция борьбы со старым миром, по мере побед революции, будет отпадать, постольку в советском государстве будет возрастать функция борьбы с гнетом натуральным, и что обе функции, обозначая путь к биокосмизму, подсказывают постановку проблем иммортализма и космоплавания теперь же в повестку дня.

